

30 ноября и 1–2 декабря 2017 в Москве состоялись Пятые Литературные чтения «Они ушли. Они остались», посвящённые памяти безвременно погибших поэтов XX века

На этот раз речь шла о восьмидесятых, уже далёких, подёрнутых дымкой былого, которая превращается иногда в непроходимый туман забвения, годах. В какой-то мере чтения ступили на неведомую, зыбкую почву до-, а вернее прединформационной, эпохи, говорящей с нами со слепых, хрупких от времени машинописных страниц, неразборчивых магнитофонных записей, порывших фотографий и плывущих кадров любительской киносъёмки. Путешествие в восьмидесятые — это в своём роде сталкерская вылазка в «зону», которая изменяется с каждой минутой, непостоянна и многолика, как любая реальность, находящаяся между мирами. Чтения были посвящены памяти организатора Первых, Вторых и Третьих Чтений «Они ушли. Они остались», культуртрегера Ирины Медведевой (1946–2016), и её сына, замечательного поэта, разносторонне одарённого Ильи Тюрина, погибшего девятнадцатилетним в 1999 году.

В блестящем импровизированном вступительном слове Людмилы Вязмитиновой на открытии чтений 30 ноября в Культурном центре имени Чехова прозвучало то, что означило эту странную эпоху, которую можно назвать «предреволюционной», детали которой кажутся невыносимыми в нынешнем, насыщенный информацией мире: как, например, то, что книгу давали почитать на ночь, или что не существовало никаких иных средств передачи информации, кроме живого общения. Восьмидесятые, в своей удушливой, но пронизанной сквозняками из трещин неудачно давшего осадку, уже накренившегося со-

ветского монолита, были полны ощущением страшного кануна, подвешенности между мирами, блуждания в этой самой «зоне», когда советское измерение в культуре, собственно, кончилось, уступив пустоте трескучих партийных мантр, а иное — ещё не началось. Поэт как своего рода «антенна», «уловитель колебаний», как особенно чуткое существо, находится в зоне риска ещё и потому, что, по словам Вязмитиновой, «выполняет миссию между мирами без принадлежности какому-либо из них».

Таковы были и восьмидесятые «поколения дворников и сторожей» — эпоха «между», наложившая отпечаток маргинальности, «переходности» по слову, на жизнь и на смерть.

О Юлии Матониной (1963–1988), покончившей самоубийством в глубокой депрессии на Соловках, матери троих детей, написавшей:

*Я посеяла следы —
Выросла дорога.
Там, где близко до беды,
Близко и до Бога..., —*

о её тончайшем таланте, безбытности, существовании «не от мира сего», о мировосприятии поэта, воспринимающего жизнь «как ребёнок игрушку, которую нужно сломать, чтобы понять её устройство», рассказала Света Литвак. Она поведала также об Олеге Мустафине (1959–1982), однокашнике по Ивановскому художественному училищу и друге юности, отчаянном спорщике, любившем задевать людей за живое и погибшем из-за собственной задиристости. От Мустафина осталось единственное страшное стихотворение о «предельной чёртовой усталости».

Борис Альтшулер и Елена Санникова вспомнили Марка Рихтермана (1942–1980), авиационного инженера, поэта, переводчика и прозаика из кружка Арсения Тарковского, который последние четыре года провёл на гемодиализе в больнице имени Боткина и написал там лучшие свои стихи и автобиографический роман «И в мрачных пропастях». В 1991 году вышел небольшой сборник его лирики «На чудной земле».

*Вдыхай скорей сырое это благо,
Лови скорей связящее мгновенье,*

*Ты человек, и горькая отвага
Тебе нужней печали и забвенья.*

Стихи Александра Тихомирова (1941–1981) прозвучали в исполнении его сына, Дмитрия Тихомирова.

*Ну что ж, себя не переделав,
Кем я родился, тем и стал, —
Хорош и плох до тех пределов,
Которых не переступал...*

Дмитрий снял удостоенный многих наград короткометражный фильм по одноимённой поэме отца «Зимние каникулы».

О Руслане Галимове (1946–1982) из Чистополя рассказала жена Лидия. Поэт работал на КамАЗе, писал верлибры, его высоко ценили Юрий Нагибин и Арво Метс.

*Сегодня думал я о смерти,
бродил по лужам,
щурился на солнце.
Сегодня встретил я двадцать девять
беременных женщин
и решил,
что не страшно умереть.*

Не все понимали стихи Руслана и спрашивали, почему они не имеют размера, на что поэт отвечал: «А зачем им размер, они ведь не ботинки!»

«Актёр милостию Божию, он умел играть сыграть абсолютно всё», «те, кто сейчас его издают, возможно, при жизни его бы проклинали», — так Евгения Харитоновна (1941–1981) охарактеризовал Олег Дарк. Поэт, актёр, режиссёр, православный, русофил, гомосексуалист, находивший прелесть в тоталитарной эстетике, он говорил о себе: «Я живу на разрыве двух миров»...

*О выброшенные на помойку новыми жильцами
мои заветные листки.
О милый, милый мальчик,*

*который умер много-много лет назад во мне,
и даже день смерти его неизвестен.*

Творчество Владимира Гоголева (1948–1989), забитого до смерти нунчаками около станции Красково ученика Аркадия Штейнберга, осветила хорошо знавшая его Наталия Стеркина. Владимир за год до смерти раздарил друзьям сборник своих стихотворений, словно предчувствуя смерть.

*А тот, кого Господь не посещает,
Он с каждым днём и ночью убывает,
И втайне тает слепок восковой.
Хотя бы плоть горою нарастала —
Иссякли в ней источник и начало.
В руинах бродит голос неживой
И не встречает отклика нимало.*

Вечер 30 ноября завершился видеорассказом Юрия Богомольца о его друзьях, поэтах, связанных с Фрунзе (ныне Бишкек) и самиздатским альманахом «Майя», — Игоре Бухбиндере (1950–1983), сосланном в Киргизию за протест против ввода войск в Чехословакию и умершем от астмы:

*О мой ангел небесный, зачем говорить понапрасну?
Оглянись и увидишь, что пала бессмертная рать.
Если время земное тебе не покажется рабством —
Есть ли смысл умирать?*

и Василии Бетехтине, ушедшем из жизни при невыясненных обстоятельствах (1951–1987), по определению Захара Клеймера — «патологическом биче, который знать не хотел ни о какой работе», который, как вспоминал поэт Мирослав Андреев (1960–2000), «недоучивался, доучивался, недоучился, бродяжил, терял, хоронил, находил иное призвание, писал, сидел, любил и не любил»:

*Жизнь — женищина, непостиженье,
Идёт, как бы творя обряд
Преображенья с пораженьем,
И поцелуи зим горят!*

Второй вечер Пятых Литературных чтений состоялся 1 декабря в Культурном центре Фонда «Новый мир». На вечере были подведены итоги конкурса «Уйти. Остаться. Жить» на лучшее эссе о рано ушедшем поэте. Первое место получила Ирина Кадочникова из Ижевска за статью о поэте Алексее Сомове (1976–2013) «Отчего, неизречённый Боже, ты меня покинул на меня». Алексей Сомов был редактором отдела прозы «Сетевой Словесности», публиковался во многих изданиях: его большая подборка с послесловием поэта, критика Александра Корамыслова опубликована в первом томе антологии Литературных чтений «Они ушли. Они остались», «Уйти. Остаться. Жить».

*за всё, что не оставить на потом
за средиземный снег и зимний гром
за ласточек, что брызнут из-под стрех
за белый свет и вот за них за всех
мы никуда отсюда не умрём*

.....
Мы никогда до смерти не умрём

Работу оценили члены жюри — Марина Кудимова, Владимир Коркунов, Борис Кутенков, Николай Милешкин, Елена Семёнова, Николай Тюрин и Ольга Снежко. Захватывающее изложение позволило Елене Семёновой назвать эссе «триллер-критикой, логично объясняющей раннюю смерть поэта». Текст Кадочниковой опубликован в журнале «Прямая речь» (№ 4 (20), декабрь 2017), который стал одним из информационных спонсоров конкурса.

Второе место разделили эссе «Слово и молва» москвича Вячеслава Куприянова, посвящённое уже упомянутому Евгению Харитонову, и статья Андрея Цуканова «Титан эпохи девяностых» о Руслане Элиnine (1963–2001), чья подборка и эссе о нём Людмилы Вязмитиновой также вошли в первый том антологии «Уйти. Остаться. Жить». Владимир Коркунов и Марина Кудимова назвали эту работу одной из самых интересных на конкурсе. (См. эссе Цуканова в «НГ Ex Libris» от 22.02.2018. — *Прим. ред.*)

*Представьте ночь
второй этаж
открытое окно
Представили*

*Ну вот и славненько
И дай вам Бог здоровья*

На третьем месте оказалось эссе Тимура Бикбулатова о ярославском поэте и музыканте Никите Титаренко (1993–2016).

*В любую жизнь найдётся дверь
И возглас счастья.
В небесную сквозную твердь
Бежишь, стучась, ты.*

«Бронзу» получила также Алина Дадаева из Ташкента за эссе о своём земляке, Владе Соколовском (1971–2011), поэте, прозаике, переводчике и эссеисте, герое первого тома антологии «Уйти. Остаться. Жить».

*Когда мы станем тихим белым эхом,
И этот мир засыплет чёрным смехом,
И синий кот уснёт в слепой ночи,
Я упаду на жёлтые преданья
На старом окровавленном диване
И в топку памяти подброшу кирпичи.*

Эссе Дадаевой Марина Кудимова назвала «замечательной работой на тему рассеяния русского литературного пространства».

Но вернёмся в эпоху, плывущую от застоя к перестройке.

Дарья Новикова рассказала об Игоре Поглазове (1966–1980), минском школьнике, покончившем собой в неполные четырнадцать лет. В кармане покойного нашли последнее стихотворение «Пажити мои, пажити...» и начатое письмо поэту Андрею Вознесенскому. Стихи Поглазова, поражающие бездонностью образов, ходили в самиздате, пока не были напечатаны в ленинградской «Авроре».

*Мы отмерим себе эту осень,
Этот вереск шумящих равнин.
Мы вдохнём эти ветхие сосны
И рассвета клубящийся дым.*

*Эту жизнь мы отмерим с лихвою
И уйдём ночевать за порог.
Нас с тобой одеялом накроет
Это пыльное сито дорог.*

Друг Леонида Губанова (1946–1983) Лев Алабин поделился воспоминаниями о лидере «СМОГа», представлявшемся так: «Я гениальный поэт, я умру в 37 лет».

*Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожих, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем.*

Валерия Исмиева посвятила выступления Александру Алону (1953–1985), израильскому солдату, поэту и барду, погибшему в Нью-Йорке от рук бандитов, и ещё одному СМОГовцу, Сергею Морозову (1946–1985), «переживающему вещественность мира, но в очень текучей и прозрачной манере», уничтожившему почти всё написанное им до 1966 года.

*Зов из будущего разгадан
и в минувшее обращён.
Здесь душа отыграла градом
и ползёт на забор плющом.
Зеленеет Господним оком,
безнаказанна и свежа.
Киноварным трепещет соком
в сердце радости и стрижа.*

Антон Метельков страстно и эмоционально рассказал о своём знакомстве с поэзией Анатолия Кыштымова (1953–1982).

*Огни, огни... Нам осень явно
Спешит ресницы опалить.
А мы стоим, как изваянья,
И время, кажется, стоит.
А мы не задаём вопросов,
Мы просто так стоим и ждём.*

*Когда по нам ударит осень
Крупнокалиберным дождём.*

А Елена Фролова увлечённо поведала о Тимуре Назимкове (1963–1988), заинтересовав слушателей мистическими переплетениями судьбы Назимкова с её собственной.

*Я спал — и вдруг проснулся.
Я к жизни прикоснулся — содрогнулся.
И никому с тех пор не улыбнулся.*

Андрей Соколов заочно рассказал о Сергее Швецове (1950–1984), поэте неординарной судьбы, чувствовавшем слово на уровне подсознания. Швецов погиб вместе с женой и малолетним сыном в авиакатастрофе накануне своего тридцатидвухлетия.

*Кто-то прёт на карусели,
Эх, раздолье-широта.
Веселись, кружись, Рассея,
И плевать, что ты не та.*

Борис Кутенков, ведущий и организатор чтений, представил Владимира Матиевского (1952–1985), поэта ленинградского андерграунда, которого всю жизнь преследовали беды и неудачи и ни одна его строка не увидела свет в изданиях той поры.

*Дворцы, колонны, лёд — всё в девятнадцатом,
Всё навевало сон, и сон без лиц.
А в сердце, в сердце — словно девять Надсонов
Втыкали розы в тридевять петлиц.*

Соорганизаторы чтений Елена Семёнова и Николай Милешкин поделились рассказами о поэзии Николая Соколова (Данелии) (1959–1985), сына известного кинорежиссёра, умершего в квартире отца при невыясненных обстоятельствах,

*НАСТОЯЩЕЕ НЕ СКАЖЕШЬ,
НЕ НАПИШЕШЬ,
НЕ ПОКАЖЕШЬ.*

НАСТОЯЩЕЕ УЗНАЕШЬ
И, КОНЕЧНО, ПРОМОЛЧИШЬ.
ПОНИМАЯ, ЧТО
НЕ СКАЖЕШЬ,
НЕ НАПИШЕШЬ,
НЕ ПОКАЖЕШЬ.

и Вадима Делоне (1947–1983), известного поэта и диссидента, расплатившегося годами заключения и изгнания за протест на Красной площади в 1968 году:

*И только подкожным страданием
Любовь повторяется в нас.
Короткое рук замыкание,
Прощание в назначенный час.*

О Рашиде Шагинурове (1951–1986), сформулировавшем в одной строчке: «Время! Дай шепнуть: “Я жил!”» — и атмосферу эпохи, и призыв каждого человека к вечности, рассказала Ирина Семёнова.

Завершающий, третий вечер Чтений прошёл 2 декабря в Культурном центре академика Д. С. Лихачёва.

Открылся он рассказом Бориса Кутенкова о Светлане Цыбиной (1957–1984), талантливом поэте, находившемся в становлении. Её сборник выпущен в электронном виде коллегами по литературной студии «Голос» города Кисловодска.

*Из тетради ночной вырывая страницы,
Чтоб дневную тетрадь хоть на миг удлинить,
Я успею состариться и завершиться,
Но боюсь, что могу не успеть — совершить.*

Но нет, эпоха ведь не осталась в выдохах, шёпотах, предчувствиях. Пришли «новые люди», которых мы помним, любим, они-то и пропели, прокричали свидетельство об эпохе и даже сейчас не ушли в прошлое, продолжая быть современниками, — именно о них шла речь на заключительном вечере Пятых чтений «Они ушли. Они остались». Имя им — русский рок. Вечер был посвя-

щён как любимым и известным рок-поэтам (Виктор Цой, Майк Науменко, Янка Дягилева, Александр Башлачёв), так и мало кому известным и ныне почти забытым.

О Яне Никитине (1977–2012) и его группе «Театр Яда» заочно рассказал Данила Давыдов, затронув проблему: насколько представители этого поколения осознавали себя самостоятельными поэтами или просто текстотвиками, чьи слова неотделимы от музыки.

*дым разбитого моря
смерть у изголовья
жестяных берегов отщепенство
вливает в кровь сквозных простыней
свою боль*

Давыдов вспомнил ещё об одной фигуре — екатеринбуржце Тарасе Трофимове (1982–2011), герое первого тома антологии «Уйти. Остаться. Жить», блюзмене, лидере группы «Stockman», исполнявшем классическое американское рокабилли. О том, что он прозаик и поэт, знали только близкие друзья.

*А жук жужжал. А ящик был из досок.
А жук сердился — панцирь ему жал.
А ящик тень бросал — всю из полосок.*

*А мальчик книгу по ночам читал,
Раскрыв страницы до размеров ночи.
Под утро удивлялся, что устал.*

*Ложился он. С ним в темноте лежал,
Как тень от ящика,
с т о л б е ц
з е л ё н ы х
с т р о ч е к.*

Автобус первый, словно жук, жужжал

Евгений Таран и Николай Милешкин представили сибирскую группу «Пик Клаксон» и братьев Лищенко — Олега (1968–2004):

*Мамлюки свернулись в канаты
Хряки покрасили дёсна
Греки сажали маки
Маки сушили вёсла
О переклик эхо само*

и Евгения (1961–1990):

*Голова как глобус
В кишках транквилизатор
В руке гладиолус
Я гладиатор.*

А Юрий Рейзер посвятил выступление Александру Непомнящему (1968–2007), музыканту и поэту из Коврова, русскому страннику, человеку удивительного мужества и красоты.

*Вечная метель над нами, трассами и городами,
Адресами позапрошлыми, бесхозными словами,
Что гоняет время-ветер по декабрьской планете,
По пролётам стылых лестниц, и летит прочь моя песня —*

*До далёких звёзд,
Что снились серому коту на одной из крыши.
Под ногами мост —
Черна вода — что ж, берег милый, ты молчишь? —
Твоё имя — Жизнь.*

Благодаря Дарье Кудрицкой мы по-новому взглянули на творчество одной из самых знаковых фигур русского рока — Янки Дягилевой (1966–1991). Дарья пояснила, чем русский панк отличается от западного, а именно — равнодушием к внешней атрибутике и вниманием к поэтической и онтологической составляющей произведения.

*А мы пойдём с тобою погуляем по трамвайным рельсам,
Посидим на трубах у начала кольцевой дороги.*

<...>

*Ты увидишь небо, я увижу землю на твоих подошвах,
Надо будет сжечь в печи одежду, если мы вернёмся*

Елена Семёнова вспомнила отрочество, накрепко связанное с песнями и энергетикой Виктора Цоя (1962–1990).

*И мы знаем, что так было всегда,
Что Судьбою больше любим,
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым.
Он не помнит слово «да» и слово «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имён.
И способен дотянуться до звёзд,
Не считая, что это сон,
И упасть, опалённым Звездой
По имени Солнце...*

Профессор РГГУ Юрий Доманский рассказал о Майке Науменко (1955–1991) и группе «Зоопарк», обратив внимание на связь смертей Янки, Цоя и Науменко с окончанием классической эпохи русского рока к 1991 году.

*О, город это забавное место,
Он похож на цирк, он похож на зоопарк.
Здесь свои шуты и свои святые,
Свои Оскары Уайльды, свои Жанны д'Арк.
Здесь свои негодяи и свои герои,
Здесь обычные люди и их большинство.
Я люблю их всех...
Нет, ну, скажем, почти всех.
Но я хочу, чтобы всем им было хорошо.*

Лев Наумов выступил с интереснейшим сообщением, представив Александра Башлачёва (1960–1988) в совершенно неожиданном ракурсе, сравнив его с классиками — Лермонтовым и Блоком. При всей влюблённости в рок-культуру, мечте о создании собственной группы, Башлачёв наследует русской поэтической традиции и продолжает её. Один из персонажей ленинградской рок-тусовки даже предлагал ему выступить под псевдонимом «Лермонтов».

*Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
подняв свои полные вёдра внимательных глаз.
Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, ещё раз!
Как вольно им петь. И дышать полной грудью
на ладан...*

*Святая вода на пустом киселе неживой.
Не плачьте, когда семь кругов беспокойного
лада*

*Пойдут по воде над прекрасной шальной
головой.*

Пятые Чтения «Они ушли. Они остались» завершились. Ещё один кирпичик лёг в подножие нерукотворного памятника молодым поэтам, ушедшим от нас в последние десятилетия.

Поэты остаются с нами, это бесспорно, как бесспорно и то, что Цой — жив.

Первая публикация: на сайте «Сетевая Словесность», 28 декабря 2017